

Kummer R. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafienagentur ROSTA. – Bern-Frankfurt e.a., 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago & London, 1980.

Weiss D. Kleine Einführung in die russische Zoölinguistik // Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen / T. Berger (Hrsg.). – München, 1998a. – S. 273-324.

Weiss D. Die Entstalinisierung der Propaganda (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998 / J.P. Locher (Hrsg.). – Frankfurt-Bern, 1998b. – S. 461-506.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruschtschovs Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd mnogocvĕtnyj. Festschrift für H. Jachnow // W. Girke, A. Guski e.a. (Hrsg.). – München, 1999a. – S. 271-292.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien // R. Rathmayr / W. Weitlaner (Hg.). – München, 1999b. – S. 283-324.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruschtschovs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Ders. (Hg.). – Bern-Frankfurt, 2000. – S. 191-257.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruschtschov im Vergleich. In: N. Boškovska, P. Collmert, S. Gilly u.a., Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke. – Bern; Frankfurt, 2002. – S. 223-252.

Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Frankfurt / H. Kuße (Hg.). – München, 2003. – S. 309-356.

Weiss D. Ungeziefer, Aas und Müll. Zu den Feindbildern der Sowjetpropaganda Oesterreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften / Ph. Sarasin (Hg.). – 2005a – B. 16. – Heft 3. Fremdkörper. – S. 109-122.

Weiss D. Sowjetische Nahrungsmittelwerbung: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2003 / S. Kempgen (Hg.). – München, 2005b. – S. 325-362.

Wierzbicka A. Lexicography and Semantic Description. Ann Arbor, 1985.

© Вайс Д., 2008

Васильев А. Д.
Красноярск, Россия

ИГРЫ В СЛОВА: РОССИЯНЕ ВМЕСТО РУССКИХ

Abstract

The author compares the meaning and usage of the words and expressions "the Russian citizens" (the people that live in Russia but do not belong to the Russian ethnic group) and the Russians (the people that belong

to the Russian ethnic group). The author concludes that in the contemporary political communication the usage of these words is often the means of manipulation.

Всякая игра что-то значит...

«Ради чего» – в этих словах, собственно, самым сжатым образом заключается сущность игры.

Й. Хёйзинга

Один из признаков развития значения слова видят в изменении его лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке: «так сказать, движение внутри значения, изменение его объёма» [Ковтун 1971:81]. При изучении судеб как отдельных слов, так и крупных лексических пластов принимают во внимание, что смысловые изменения в лексике вовсе не обязательно имеют внешне-формальное выражение: чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, образуются новые конструкции и т. п. Отсюда – закономерный вывод о сугубой важности возможно более полного учёта контекстных данных в историко-лексикологическом исследовании: «внутри-словные смысловые изменения и контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в лексике» [Веселитский 1972: 14].

Контекст, содержащий исследуемое слово (извлечённое таким образом «из недр своего существования с грунтом» [Котелова 1995: 17]), может рассматриваться как фрагмент речевого потока, где обычно и создаются условия для закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов, смещений [Сорокин 1965: 540]. Правила семантической синтагматики слов (имеющие силу закона) предписывают в качестве основного критерия наличие двух у слов, «помимо специфически различающих их сем, одной общей семы» [Гак 1972: 374] (см., например, также вывод о необходимости согласования коннотативных сем, или коннотем) [Тулина 1992: 83-84].

Коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера», в широком смысле – это любой компонент, которым дополняется предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы, приобретающей, таким образом, экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи». В узком же смысле коннотация определяется как «компонент значения, смысла языковой единицы, выступаю-

щей во вторичной для неё функции наименования, который дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [Телия 1990: 236].

Разнообразные ассоциации, порождаемые словами у носителей языка, в свою очередь, создают новые смысловые цепочки (или, если – весьма условно и приблизительно – пытаться изобразить графически, некие расходящиеся концентрические или пересекающиеся, совмещающиеся круги и т.п. сложные фигуры). Это способствует выполнению одного из важнейших предназначений языка; вербально воплощаются не только рациональные суждения, но и эмоциональные оценки, что в двуединстве формирует коннотативную лексику, играющую ключевую роль в становлении и укреплении социокультурных норм, морально-этических установок, духовных ориентиров и т.п. Полагают, что прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире, являются исходными – по сравнению с когнитивными (тот же автор указывает, что в эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащённый и скорректированный благодаря языку «коллективным опытом человечества» [Никитин 1988: 20] – скорее всё-таки прежде всего ментальным опытом своего народа). Вероятно, во многом с этим связана возможность вычленения и т.н. прагматического (эмотивного) значения, именуемого также прагматическим аспектом лексического значения. В согласии с общей концепцией семиотики его определяют как закреплённое в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и (что представляется особенно важным) соответствующее воздействие знаков на людей. В лексической семантике прагматическое значение считают «специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [Новиков 1982: 99-100], что в координатах несколько иной терминологии может быть отнесено также к специфике коннотации.

«Не следует забывать, что слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин 1984: 171]; это справедливое положение следует учитывать при анализе как отдельных коммуникативных актов, так и целых функционально-стилевых пластов, среди которых совершенно особую и при этом кардинально важную роль сегодня играет та разновидность употребления языковых средств, которую традиционно именуют публицистическим стилем русского языка

(хотя в наши дни, вследствие своеобразно понимаемой многими речедателями свободы слова, диапазон этих средств значительно расширился и вряд ли полностью соответствует привычным ещё относительно недавно критериям).

Полагают, что, наряду с двумя основными сферами коммуникативной практики общества, то есть кодифицированной литературной речи и разговорной речи, «на наших глазах происходит формирование третьего речевого массива – *речевой системы СМИ*» [Коньков 2002: 76]. При этом и «политический язык воспринимается как *особая система национального языка* [курсив наш. – А.В.], предназначенная для речевой коммуникации» [Чудинов 2003: 11].

Объективно существует ряд признаков, объединяющих медиа-дискурс и политдискурс по общности критериев, которые можно лишь конвенционально назвать экстралингвистическими, поскольку они так или иначе связаны с самой сущностью языка в многообразии выполняемых ими функций, в его психической и социальной обусловленности, с его до конца ещё не осознанным и не исчерпанным потенциалом – который, однако, успешно используется в манипулятивных целях.

Для их достижения применяется, например, регулируем частотность словосочетаний, имеющих в своём составе определённые вербальные символы, особо значимые для формирования стереотипов общественного сознания, пробуждая в нём направленные ассоциации. Причём далеко не всегда обязательно вводить принципиально новые лексико-фразеологические единицы – достаточно смоделировать такую устойчивую сочетаемость, которая наполнит уже известное слово-символ иным, чем прежде, содержанием и придаст этому слову нужную, с точки зрения владельцев-распорядителей информационных потоков, коннотацию. Ср.: «Идея не может для себя изобрести соответствующий знак, который может быть ей передан и который, не будучи создан специально для неё, может ей соответствовать при условии потери прежнего соответствия» [Гийом 1992: 74].

К числу таких ключевых символических слов (особенно важно учитывать, что они почти «незаметны», «обычны» и потому не осознаются в этом статусе многими носителями языка [Романенко 2003: 128]), несомненно, относятся этнонимы. Собственно, самоназвание народа (намеренно не употребляем здесь термин *нация*, используемый сегодня в официозном российском дискурсе как полный аналог американско-английского *a nation* [Васильев 2006]) чрезвычайно важно со многих точек зрения, в том числе и семиотической (именно оно выступает в качестве первого компонента универсальной оппозиции 'свои' / 'чужие'); и лингвокультуроло-

гической – как воплощение особой, конкретной этнической ментальности. В поисках необходимого иллюстративного материала обратимся к свертхтексту российского телевидения как наиболее распространённого и очевидно эффективного пропагандистского орудия.

Хотя "насчет *русского* характера очень сильно всё преувеличено, это неотшлифованный характер" [В. Черных. РТР. 22.11.98], о некоторых его чертах заявляется совершенно безапелляционно. Так, в преддверии юбилея, комментируя события последних дней Великой Отечественной войны, ведущий говорит: "Подвела ... наша изначальная ущербность, наша *русская* безалаберность" [Воскресенье. Останкино. 7.5.95]. Ср. также: "Почему те, кого мы любим, нами так легко забываются? Наверное, такова наша генетическая природа" [В. Мережко. Мое кино. ТВ-6. 27.2.99]. "Наш характер отличает импульсивность, крайность: целовать – так королеву, украсть – так миллион" [Человек и закон. 3.2. 99]. "... Традиционное *русское* неуважение к законам" [М. Гуревич. Дела. Афонтово. 18.7.96]. "Признаём, что как бы лень является нашей национальной чертой" [А. Исаев. Час пик. 9.4.98]. "Конечно, любовь к халяве – истинно *русская* черта" [зам. декана МГУ – по поводу открытия благотворительной столовой для студентов. Доброе утро, Россия. РТР. 15.12.98]. "Справиться с привычками *русского* человека мусорить и ломать чрезвычайно сложно" [Новости. Афонтово. 30.9.99]. "... *Русский* народ, традиционно готовый винить во всем власти" [Романовы. Крушение династии. ОРТ. 15.7.98]. "В нашей *русской* ментальности сидят химеры ужасающие... Неповторимые, загадочные и удручающие глубины *русской* души..." [М. Захаров. Вести. РТР. 4.5.97]. "Демократия – слово, для нас странное... Свобода – слово, странное для нас, для нашего менталитета" [М. Захаров. Тихий дом. ОРТ. 12.5.99]. "Репрессивная система отражает жестокий менталитет нашего народа. Я всё время прихожу в ужас: какие мы жестокие, какие мы кровавые!" [А. Приставкин. В мире людей. ТВ-6. 6.2.98]. "Привычка к крови наша постоянная..." [К. Ларина. Третий лишний. Ren TV – 7 канал. 1.2. 99]. "Мы не научились чувствовать своей исторической вины перед самими собой" [С. Ковалев. ТВ-6. 3.11.98]. "Нельзя с нами, *русскими*, честно и открыто" [М. Жванецкий – на вечере памяти Б. Окуджавы. ОРТ. 13.6.99] и т.п.

Поэтому совершенно естественным и закономерным оказывается, что "били его (подростка) в нашей *русской* милиции" [Скандалы недели. ТВ-6. 14.2.99], что "слишком сильно загрязняют среду *русские* машины" [ИКС. КГТРК. 28.10.94] (и "не забывайте, что вы купили *русский* автомобиль; поэтому не удивляйтесь, что обнаружите скрытые дефекты" [Авто. ТВК, 7.4.98]). Или: "... *Русские* ребята во Франции воруют... (В. Познер:) Ужасно то, что я

слышал о наших: *русские* крадут, *русские* то, сё..." [Человек в маске. ОРТ. 8.2.99]. В сообщении о трагическом происшествии – гибели десятилетнего мальчика как бы вскользь упоминается, что повинна в этом "медведица с *руским* именем Маша" [Совершенно секретно. РТР. 30.7.98]. Поводом для негативизации *русского* оказывается и система школьного образования, якобы ущербная, поскольку "во всем [?] мире принята двенадцатилетняя система школьного образования" и "именно поэтому *русские* аттестаты за границей недействительны" [Новости. Афонтово. 28.12.99], а следовательно, "переход на 12-летнее школьное образование позволит сделать *русский* аттестат престижным во всем мире" [Новости. Афонтово. 17.1.00].

Нередко в пределах атрибутивного сочетания сталкиваются (в духе "стёба", т.е. ёрничества) прилагательные *русский* и *народный* (последнее некогда было стилистически приподнятым, а ныне стало иронически окрашенным); например, в анонсах телепередач, вроде: "*Русская* народная программа "Плейбой" [ТВ-6. Янв.-февр. 2000] или "*Русская* народная передача "Городок" [РТР. 1999-2000] (ср.: "В России появилась новая народная игра – размышления вслух о здоровье президента" [Вести. РТР. 17.1.99]). Также: "Конкурс *русского* компромата" [Пресс-экспресс. 26.11.96]. "Национальная *русская* демократическая забава – накопление компромата на политического противника" [Вести. РТР. 26.11.98]. "Пеняют на телевидение... Это такая старинная *русская* забава теперь: если что-то не нравится, разбить зеркало" [М. Швыдкой, председатель ВГТРК. Вести. РТР. 24.1.99]. "Борьба Брынцалова с *руским* экономическим и политическим маразмом" [Ren TV – 7 канал. 4.1.99]. "Еще один любопытный механизм *русской* бюрократии..." [Человек и закон. 3.2.99] и т.д.

Отсюда – логическое оправдание сентенций (которые одновременно во многом и задают программируемый тон), подобных следующей: "Я (будучи за границей) называю свою не-престижную *русскую* национальность и готова отвечать [?!] за принадлежность к этой неблагополучной нации" [В. Новодворская. Зеркало. РТР. 26.10.97].

См. также следующие примеры: «Нужны ли будут они [детские площадки] в России через полвека, когда на России будет поставлен "*русский* крест?" [анонс программы М. Гуревича "Живые мысли" 7к. 30.07.05]». «Пройдёт ещё три года, и именно *русская* атомная подлодка [К-19] в 1972 году поставит мир на грань катастрофы [РТР.29.12.04]». «*Русский* народ ничего не хочет делать, но считает себя непобедимым» [7 канал.18.11.06]. «*Русских* можно внести в Книгу рекордов Гиннеса... Самый разобщённый народ» [депутат Госдумы А. Чехов о русских, оказавшихся в «ближнем зарубе-

жье». – 24.Rep TV. 20.02.02]. «*Русский* террор будет намного хуже, чем чеченский!» [Д. Рогозин. Неделя 24.Rep TV. 09.09.06]. «Горбачёв сделал ошибку, вырубив виноградники. Кардинально решить эту проблему можно, только вырубив *русский* народ» [В. Новодворская. РТР. 10.12.94]. «Пётр Первый, будучи в Брюсселе в 1717 году, сильно перебрал. Ну, с *русскими* это бывает – вы же знаете» [Д. Крылов. Непутёвые заметки. ОРТ. 21.09.03]. «*Русский* человек вне дома любит выпить» [М. Турецкий – "Хор Турецкого". Детали. Прима ТВ.25.09.06]. «*Русские* моряки вызывают беспокойство и опасения у населения [Японии]... Последнее убийство в приморском городке местные [японские] газеты называли "разборками *русской* мафии"» [Честный детектив. РТР.21.10.07]. «Может ли забота о будущем победить *русскую* безалаберность?» [о нежелании "*россиян* иметь 5-6 страховых полисов", как в "цивилизованных странах" – но, может быть, это из-за мошенничества российских страховщиков? – Афонтово. 03.02.07]. «Подпись под снимком: "Она подышает" – вот это уже уровень *русской* журналистики» [О. Кушанашвили. Секретное досье. Rep TV. 24.09.07]. «Красноярские сортиры. Исследование *русской* души. Взгляд из туалета» [анонс передачи М. Гуревича "Живые мысли". 7 канал.14.01.06]. «Если к какому-нибудь хорошему делу добавить слова по-*русски*, всё встанет с ног на голову... В банке кредит дают, только не забудьте – по-*русски*» [Т. Устинова. Час суда. Rep TV. 09.09.05].

Одной из наиболее распространенных (вследствие почти повседневного употребления) магических формул, служащих возникновению и закреплению негативного облика всего *русского*, является словосочетание *русская мафия*. Несмотря на робкие единичные попытки как-то конкретизировать семантическое наполнение этого и подобных ему выражений ("в Москве задержаны члены *русско-чеченской* преступной группировки" Вести. РТР. 10.11.94) или отметить их явную условность ("власти ФРГ все более обеспокоены действиями так называемой *русской* мафии – преступных группировок из Армении, Киргизии..." Телеутро. Останкино. 6.3.95; "Американская полиция нанесла новый удар по *русской* мафии: арестованы 25 человек, большинство из которых эмигранты из России и других республик СНГ". Новости. Останкино. 8.8.95), всё же очень часто употребляются высказывания типа: "По Брайтону спокойно разгуливают *русские* воры в законе" [Человек и закон. Останкино. 21.9.95]. "Процесс над человеком [С. Михайловым], которого на Западе считают чуть ли не главарем *русской* мафии, закончился безрезультатно" [Вести. РТР. 13.12.98]. Небезынтересно, что упомянутый в последней цитате персонаж довольно четко осознаёт отрицательно-оценочный потенциал, заложенный в словосочетании *русская мафия*, и последст-

вия его реализации: "Вопрос дальнейшего бизнеса *русских* бизнесменов за рубежом имеет большое значение... Имидж *русской* мафии начинает распространяться не только на бизнесменов [!], но и на журналистов... Но... *русские* не обязательно [!] могут быть преступниками, они могут быть и бизнесменами..." [Вести. РТР. 13.12.98]; ср. мнение другого отечественного предпринимателя: "На *русских* людей, которые пересекают границу, уже ставят штамп: "*русская мафия*" [А. Быков. События: анализ, прогнозы. Афонтово. 21.2.99].

Кроме того, при внимательном рассмотрении семантики словосочетаний, связанных с понятием '*русская преступность*', могут выясниться довольно любопытные обстоятельства. Так, например, "*русскоговорящий* бандит", захвативший автобус с заложниками в Германии в конце июля 1995 г., оказался бывшим советским гражданином Леоном Борщевским, теперь – гражданином Израиля, сменившим в эмиграции фамилию на "Бор" и имеющим соответствующий паспорт (Вести. РТВ. 30.7.95). Интересная версия происхождения словосочетания *русская мафия* была предложена телезрителям в одном из выпусков передачи "Совершенно секретно" (РТР. 26.4.98), который был посвящен исключительно рассказу о деяниях бывшего советского, затем российского гражданина Григория Львовича Лернера – потом гражданина Израиля, ныне именующего себя Цвей Бен Арии, – совершившего хищение на сумму 33 миллиона рублей в ценах 1989 г.: "*русский* мафиози – так окрестили Лернера израильские спецслужбы... *Русская* мафия – это выходцы из России (совершающие преступления в Израиле)". Создатели этой передачи объявили, что автором термина [!] *русская мафия* является бывший министр общественной безопасности Израиля Моше Шехель. Однако в показанном здесь же интервью с ним экс-министр выступил против правомочности использования самого этого "термина", утверждая, что не только не изобретал его, но "получил этот термин от *российских* властных структур". Впрочем, всё остаётся по-прежнему, ср.: «Иммигранты из России привезли в Израиль миллиарды пусть грязных, но долларов... Когда-то их называли *русской* мафией, теперь говорят об отмывании денег... Так говорят о каждом *русском* человеке, у которого есть деньги – говорит израильский адвокат Хайм Гольд... Тема вездесущей *русской* мафии (Гусинского, Березовского, Невзлиной, Могилевича и прочих) вновь заполнила страницы таблоидов» [Человек и закон. ОРТ. 21.04.05]. «Власти Испании, не различающие граждан бывшего СССР, поспешили возвестить о разгроме *русской* мафии. Но большинство задержанных оказались гражданами Грузии, остальные – молдаване и украинцы» [Вести. РТР. 21.06.05]. «*Русская* мафия готова взять под контроль весь земной шар... Жан-Клод Ван Дамм против *рус-*

ской мафии» [анонс х/ф «Взрыватель». Афонтово. 11.02.03].

Многое, впрочем, зависит от точек зрения на представителей описываемого сообщества: «Кто он? Один из самых разыскиваемых преступников мира или обычный бизнесмен переходного периода?» Именно этим вопросом задаётся журналист официального – правительственного – российского издания, рассказывая об украинско-израильско-венгерско-российском предпринимателе Семёне Юдковиче Могилевиче (он же Сергей Шнайдер, он же Шимон Махелвич, он же Сева): «Могилевичу приписывают организацию мифической [!] «русской мафии», массовый рэкёт и вымогательство у иммигрировавших в США и Израиль выходцев из стран бывшего СССР, организацию уголовных преступлений..., организацию сети публичных домов, торговлю оружием» [Артемьев 2008: 9]. Несмотря на то, что автор цитируемой статьи неоднократно говорит, что обвинения эти в суде не доказаны и носят характер «мрачных слухов», он всё же упоминает: по мнению ФБР, Могилевич «крайне опасен» [там же].

Известны неоднократные (но и единообразные – подчеркнуто будто бы заранее обречённые на неудачу) попытки постоянных телеперсонажей прояснить семантику, а тем самым – и более или менее отчетливо представить денотат слова *русский*. Иногда такие высказывания подаются как констатации объективной реальности, иногда – в форме риторических вопросов: "Вообще *русский* – слово очень непонятное" [А. Любимов. Один на один. Останкино. 17.9.95]. "Кто есть *русский* человек? Ответьте на этот вопрос мне, простому *русскому* человеку Григорию Израилевичу Горину" [Национальный интерес. Ren TV – Афонтово. 23.1.97]. "Мы не знаем, что такое *русский* человек" [В. Ерофеев. Текто. ТВ-6. 18.8.98] и т.п. (правда, декларируемая неудобопонятность слова *русский* вовсе не мешает выдавать в эфир формулировки вроде "агрессивный *русизм* левой оппозиции" [Новости. ОРТ. 19.4.97]). Имеет свою традицию и псевдолингвистический подход, которого придерживается, например, Н. Михалков: "Да *русский* вообще – это имя прилагательное!" (и тем якобы отличается от других этнонимов не в лучшую сторону) [Зеркало. РТР. 21.2.99]; как заметил по поводу аналогичного выступления одного литератора О. Н. Трубачёв, "имей он чуть больше знаний..., то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные; ... они типологически однородны с нашим самоназванием" [9. С. 266].

По-видимому, старательно акцентируемая невозможность сформулировать лексическое значение слова *русский* призвана поставить под

сомнение идентификацию национальной принадлежности большинства носителей русского языка; кроме того, негативное воздействие на самосознание личности оказывает постулируемая таким образом принадлежность индивидуума к этносоциуму, четкое определение которого будто бы весьма гипотетично.

Следует сказать, что и само по себе точное установление чьей-либо национальности посредством слова *русский* (чего, как правило, в текстах телевидения почему-то избегают, когда речь идет о представителях большинства населения Российской Федерации) во многих случаях представляется довольно проблематичным. Ср.: "Основоположником жанра видеоклипа можно считать *русского* певца Леонида Утесова" [Афонтово. 4.11.97]; "Ведь все, уехавшие в Израиль из России, – *русские*" [Е. Миронова. Телеутро. Останкино. 3.10.95.]; ср.: "Свыше миллиона наших соотечественников, живущих в Израиле..." [Вести. РТР. 29.4.98]; "... число наших соотечественников, проживающих на земле обетованной, приближается к миллиону..." [Новости. ТВ-6. 17.5.99]. "Многие российские театры за рубежом ... играют в синагогах для *русской* эмиграции" [В. Вульф. ОРТ. 16.2.98]. "В прессу уже просочилась информация о *русских* корнях Моника Левински" [Скандалы недели. ТВ-6. 4.4.99]. "Вся *русская* эмиграция по всему свету читает именно журнал "Огонек" [Вести. РТР. 23.12.98] и т.п. Возможно, что такие примеры отражают тенденцию, характерную для чужекультурной среды, например: "Те, кого в Израиле называют *русскими*, – репатрианты из России и бывшего СССР" [Вести. РТР. 22.3.99]. "Не исключено, что на земле обетованной вас (вероятных репатриантов) будут называть сначала *русскими*" [премьер-министр Израиля Б. Нитаньяху – в московской еврейской школе, всех учеников которой он призывал выехать в Израиль. Новости. ТВ-6. 22.3.99]. "[Натан Щаранский] полагает, что влияние *русской* еврейской общины на политическую жизнь Израиля будет только усиливаться" [Старый телевизор. НТВ – Афонтово-22. 02.02.01.]. "В этой квартире проживает много *русских*, как называют здесь (в Израиле) всех выходцев из бывшего Советского Союза [Обозрение. Ren-TV. 23.08.01]. «Из них [пассажиров] только 20 – иностранцы, остальные – *русские*, по крайней мере, наши сограждане»" [С.Ким. Новости. Афонтово. 31.07.02]. «Во-первых, я думаю на русском языке... У меня м'ышление или мышле'ние, не знаю, как правильно... безусловно, я русский человек по своему мироощущению, по своим корням... Опять-таки – это моя родина: родилась в Ташкенте» [Дина Рубина. Успех. Ren-TV. 20.06.02]. «Жириновский – воплощённая мечта *русской* политики» [Л. Канфер. Неделя. Ren-TV. 08.04.06]. «*Русский* гангстер Алимжон Токтахунов» [Новости. ОРТ. 01.08.02]. «...Как и десятки тысяч их соотечественников, которых в России

называли евреями, а здесь [в Израиле] – *русскими*» [Сегодня. НТВ. 22.01.03]. «Лейтенант доволен своими *русскими* солдатами» [израильскими военнослужащими, иммигрантами из России. 24. Ren-TV. 25.12.01]. «Сложись судьба Сичкина иначе, он мог бы стать *русским* Чаплином» [1 канал. 11.02.06]. «За какое время *русский*, человек из Советского Союза, становится американцем?» [Ксения Ларина – Славе Цукерману. Успех. Ren-TV. 28.01.02]. «Марк Шагал... тоже *русский* изгнанник» [Пуаро Агаты Кристи. РТР. 12.02.03]. «Ярмарка тщеславия по-*русски*» [анонс док. фильма "Лондонские крыши" – о том, как Б. Березовский, Р. Абрамович и проч. покупают в Англии дорогую недвижимость и футбольные клубы. НТВ. 15.11.05]. «Русские израильтяне – самые читающие люди в мире» [Ночные новости. 1 канал. 21.02.07].

Уже в течение нескольких лет в речевой оборот активно вводится слово *россиянин*, очевидно, призванное заполнить лакуну, возникшую после исключения из активного лексикона употребительного ранее (особенно – в текстах средств массовой информации) словосочетания *советский человек*; ср.: *россияне* – 1) 'жители России; граждане России'; 2) 'люди, родившиеся в России; имеющие российское гражданство' [Толковый словарь 2001: 680]. Существительное *россиянин* используется не только в качестве своеобразного гиперонима по отношению к существительным, обозначающим представителей многочисленных национальностей, населяющих Российскую Федерацию, но также и в роли стилистически окрашенного элемента, позволяющего придавать высказываниям официальных должностных лиц высокую торжественную тональность. Именно благодаря частотности в подобных текстах слово *россиянин*, вероятно, уже глубоко укореняется в повседневном бытовом дискурсе многих носителей русского языка, утрачивающих представление о четкой соотнесенности именовании с реалиями. Этому и служит стимулируемый перенос акцента на государственную, а не национальную принадлежность, сказывающийся в речи прежде всего русских, а также лиц некоторых иных национальностей.

Обычно употребление слова *россиянин* является вербальным индикатором и инструментом нивелирования объектов по национальному (или, может быть, по "внеациональному" признаку); возможно, интенцией говорящего в действительности является добросовестное стремление способствовать интеграции многонационального населения, например: "Это *российское*, это лучшее (о науке). Мы перестали гордиться тем, что мы *россияне*. ... Основное для всех *россиян*, вне зависимости от национальности, вероисповедания, – это культура, это то, что всех объединяет" [М. Кривцова. Доброе утро. ОРТ. 12.98 – хотя можно было бы несколько усомниться в тезисе о единстве культуры, по

крайней мере, в настоящее время, а следовательно, и в безупречности аргументации].

Еще более распространены высказывания, в которых слово *россиянин* выступает как стилистически нейтральное, что, по-видимому, имплицитно должно неоспоримо констатировать реальность существования денотата: "Опра Уинфри для американца – все равно что для любого *россиянина* Леонид Якубович" [Новости шоу-бизнеса. СТС. 10.10.98; впоследствии в анонсе – о той же: "Опра – самая богатая ведущая самого популярного ток-шоу". Ren TV – 7 канал. 1.2.99]. "Для телезрителя, то есть *россиянина*, потасовки на политических мероприятиях уже стали привычными" [Вести. РТР. 31.1.99]. "Свыше десяти миллионов *россиян* работает на продовольственных и вещевых рынках" [Доброе утро. ОРТ. 2.12.98]. "В Анголе разбился самолет АН-12, погибли четыре *россиянина*" [Новости. ТВ-6. 2.2.99]. "Важно, чтобы *российская* экономика покоилась на здоровой основе, чтобы *россияне* жили достойно" [перевод интервью испанского экономиста. Вести. РТР. 31.1.99]. "Потребность в празднике неизбежна у *россиян*, как и способность выживать" [Неделя высокой моды в Москве. РТР. 28.11.98]. "Характер *русского* народа, *россиян*, как сейчас говорят..." [министр здравоохранения. – Здоровье. ОРТ. 18.6.99]. "Вчера у нас, у *россиян*, появился новый чемпион по хоккею" [Доброе утро. ОРТ. 16.4.99]. "Немецкая нация в годы войны уничтожила более 20 миллионов *россиян* [?]" [И. Долгушина. Чай вдвоем. 7 канал. 3.09.01]. «[Социологи установили:] большинству *россиян* нравится жить в современной России» [Новости Афонтово. 20.01.07]. «Всё равно... – *российские* и *русские* приоритеты... они как бы известны» [Г. Волчек. Времена. ОРТ. 09.11.02]. «Фёдор Михайлович – замечательный психолог, который хорошо знает душу *русского* человека, *российского*, скажем так» [Д. Михайлова, актёр и режиссёр. НТВ. 09.02.04]. «Плакат с *антироссийским* лозунгом ["*Русские* свиньи"] обнаружен недалеко от Ростова» [Вести. РТР. 10.09.02]. «Положение *россиян* за рубежом обсуждается на встрече в Баку... Посланцы *диаспор...*» [Вести. РТР. 06.09.06]. «[В связи с событиями в Кондопоге и т. п.] «в приоритетном порядке способствовать трудоустройству» *россиян*» [Вести. РТР. 06.10.06]. «Уже давно известно, что *россияне* и шотландцы похожи открытым характером и дружелюбностью характером» [Вести. РТР. 05.09.03]. «Поскольку *россияне* сами не заботятся о своей старости ["молчуны"], государству приходится взять заботу на себя» [об инвестициях в Государственный пенсионный фонд и ПИФы. Вести. РТР. 23.07.07]. Приведем также пример демонстративного жонглирования словами *русский* / *россиянин*, рельефно запечатлевший цели эвфемизации: "[Беженцы из бывших союзных республик:] "Всем помогают фонды: туркам, эфиопам..., но – не *рус-*

ским". [Ведущий передачи В. Познер – переадресуя вопрос присутствующему чиновнику:] "Почему не помогаете *россиянам*?" [Мы. Останкино. 13.12.94].

Можно предположить, что столь интенсивное внедрение в публичный дискурс (и общественное сознание) слова *россиянин* и вытеснение им полноценного этнонима *русские* имеют своих инициаторов: ведь «в политических дискурсах идёт борьба за власть в сфере обозначения и, тем самым, за фундаментальные групповые ценности» [Базылев 2005:13].

По некоторым сведениям, «в 1994 году на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем *русский*, а заменять его прозвищем *россиянин*... Заинтересованность в этом лично президента и его соправителей понятна» [Миронова 1997: 6].

Целенаправленно и сконцентрированно возможности и подходы (от умеренных до радикальных) к решению зачастую ими же и создаваемой проблемы декларировались в высказываниях специалистов по вопросам государственной политики и межнациональных отношений. Так, Р. Абдулатипов считает, что "отказаться от графы 'национальность' в паспорте не позволяет отсутствие зрелого гражданского общества... Со временем, когда национальность для *россиян* перестанет быть понятием правоопределяющим, от него можно будет отказаться" [Доброе утро. ОРТ. 25.10.97]. В. Новодворская решительно резюмирует: "Пусть у нас все будут *россиянами*... Убрать национальную идентичность из этнического сознания..." [Зеркало. РТР. 26.10.97]. С точки зрения В. Познера, "в конце двадцатого века делить людей по национальности – это позорище... Об этом надо говорить... не в смысле "кто виноват", а "что делать"... Это важнейший вопрос..." [Мы. ОРТ. 7.12.98]. Эмоционален был в той же передаче В. Зорин, председатель комитета по делам национальностей Государственной думы: "Избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем (т.е. указывать национальность в документах)... Пора всем становиться *россиянами*" [Мы. ОРТ. 7.12.98].

Позднейшие данные отчасти подтверждают достоверность информации об изобретателях нововведения *россияне*. Ср. реплики участников некоего подобия дискуссии (по-видимому, заочной), материалы которой озаглавлены "Россияне или русские"? [Российская газета. № 203. – 14.09.07. – С. 30]:

1) «Слово "россиянин" – искусственное. В английском языке есть только одно слово – "русские", все его используют, и никого это не смущает. Причём речь не об этнических русских, а о многонациональной России. До недавнего времени, когда мы говорили "русские", то подразумевали всех наших соотечественников, людей разных национальностей, но говорящих

по-русски и живущих в атмосфере русской культуры, воспитанных русской культурой» [глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл];

2) «Мне кажется, правильнее – "россияне". Это слово позволяет не задевать чувства людей, которые остро реагируют на национальные нюансы, помогая избежать национальной розни. Оно даёт человеку право считать себя полноценным гражданином страны, который трудится на её благо, строит здесь свою семью, живёт. В нашей исторической ситуации это более точное слово. Хотя, конечно, многим оно режет слух своей искусственностью, потому что возникло в устах Бориса Ельцина. Но тот произнёс его в момент, когда очень остро чувствовал пик, после которого могла быть катастрофа. Он почувствовал это слово сердцем. Так что слово "россиянин" – хорошее. Слово "русский" – тоже хорошее, но сегодня оно применяется как "я лучший, я главный". И это начинает раздражать. Когда всё успокоится, все мы будем русскими» [Иван Дыховичный, режиссёр];

3) «Согласен: слово "россиянин" – искусственное. Оно какое-то архаичное и возникло искусственно. Появление этого слова – результат какой-то ложной политкорректности. Я помню, как впервые оно прозвучало в устах Бориса Ельцина. Видимо, его советники боялись слова "русский", потому что от него (как им, наверное, казалось) отдаёт этничностью, им же хотелось уйти от этнического оттенка в этом слове. Но я считаю, что слово "русский" применимо к любому гражданину России, независимо от того, татарин он, еврей или калмык. За пределами России нас всех называют по-английски *russian*, по-французски – *russe*. Мы – гражданская нация и слово "русский" вполне можно было бы употреблять как минимум в обозначении гражданства, независимо от происхождения» [Александр Даниэль, историк].

При некоторой разнооформленности высказываний, принадлежащих участникам квазидискуссии, интенции их во многом совпадают.

1) Соглашаясь с митрополитом Кириллом в том, что «слово "россиянин" – искусственное», нельзя не заметить некоторые странности аргументации этой оценки. Непонятна ссылка – как на некий эталон – на английский язык, где *Russian*, а не "русские", по существу, синкретично: это и 'русский' и 'российский', и 'россиянин'; наверное, никого в России и не должно смущать, как англоговорящие употребляют слова своего языка. Иностранцы традиционно и не различают жителей т. н. многонациональной России. Видимо, активность внешних связей затрудняет понимание иерархом этих очевидных фактов.

2) И. Дыховичный, кажется, не осознаёт, что остро реагировать на национальные нюан-

сы пока ещё могут и этнические русские. Он тоже замечает, что слово "россиянин" – искусственное; любопытно объяснение: «...потому что возникло в устах Бориса Ельцина», собственно, и введшего страну в состояние управляемой катастрофы (известно, сколь богат может быть улов рыбы при замутнении воды). Трудно понять, почему "русский" сегодня применяется как "я лучший, я главный" – см. выше-приведённые примеры из теледискурса, вовсе не подтверждающие такой оценки, – и кого именно это раздражает, кроме самого Дыховичного. Его позиция в общем согласуется с позицией X съезда РКП(б) 1921 г., который «направлял главный свой удар против великодержавности как главной опасности, то есть против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великодержавные шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246].

3) А. Даниэлю слово "россиянин" также представляется искусственным; его активизацию он тоже связывает с именем Ельцина. Правда, Даниэль не объясняет, почему так боялись слова *русский* ельцинские советники и почему им так хотелось уйти от этнического оттенка. Между тем, газета "Известия" 9 июля 1996 года, со ссылками на газету "Вашингтон пост" и журнал "Тайм", сообщала, что штаб по избранию Б. Ельцина в президенты на 2-й срок прибёг к услугам группы американских специалистов (Дж. Гортон, С. Мора, Дж. Шумейта, Р. Дрезнера), которых свёл и доставил в Москву разбогатевший в США эмигрант из Белоруссии Феликс Брайнин. Кроме того, по-видимому, по аналогии с уже известным т.н. гражданским обществом, Даниэль вводит маловразумительный терминологический "гражданская нация", не удосужившись его истолкованием. Ссылки на иноязычные аналогии, как уже сказано, вряд ли точны и уместны, когда речь идёт о характере использования русского этнонима внутри России.

Можно сказать, что позиции всех участников этой псевдодискуссии в той или иной степени основываются на лозунге прежнего интернационализма.

Если попытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то кажется не особенно затруднительным предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, оно может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически – довольно непродолжительное) соответствующие речедеятельности откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова.

Активно насаждаемое употребление слова *россиянин*, семантически нечеткого и расплывчатого, знаменующее качественно иное направление в решении национальных вопросов, позволит заполнить наметившуюся лакуну (ко-

торая в немалой степени из-за него и возникла). Прилагательное *российский*, предлагаемое как нейтральный, эвфемистический эквивалент *русского*, вследствие психолого-пропагандистских манипуляций также способно приобрести негативно-оценочный оттенок, но сегодня пока неизвестно, какое слово придет ему на смену. По крайней мере, довольно скоро собственно русские рискуют остаться без полноценного этнонима, что, в свою очередь, в совокупности с другими факторами может поставить под сомнение само существование русской нации как таковой.

Трудно пока сказать, на какой стадии сегодня находится описанный лингвистический эксперимент; следует ли считать, что какая-то фаза процесса завершена или еще продолжается. Однако можно догадываться о некоторых перспективах, достаточно гармонично согласующихся с экстраполяцией глобалистского мифогена *мировое сообщество* на реальность: "Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени" [Д. Радышевский. Пресс-экспресс. ОРТ. 15.1.97].

Наблюдения над управляемой конкуренцией слов *русский / россиянин* позволяют иллюстрировать ряд важных общетеоретических положений.

Конструируемая посредством телевидения негативизация *русского* – и русских как государствообразующего народа – одновременно является и дискредитацией образа России в целом. А ведь "наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире" [Чудинов 2003: 227].

Десемантизация этнонима *русский* заставляет вспомнить характеристику "последнего круга скептического ада – отделения, где теряется самый смысл слов" [Флоренский 1989: 38]. Употребление лексем, устойчивых словосочетаний, целых словесных блоков, лишённых денотативной основы (вроде *общечеловеческие ценности, цивилизованное государство, гражданское общество* и т. п.), притом тиражируемое через СМИ, надлежащим образом гармонирует со столь же активным переосмыслением привычных слов, составляющих ядро языковой картины мира, выходом из их исконного смысла, что коренным образом меняет мировосприятие и самооценку носителей языка. Подобный же эффект очевидно призвана произвести навязываемая этнониму *русский* за счёт моделируемой сочетаемости с отрицательно-оценочными словами негативная коннотация.

Устанавливаемые таким образом нормы употребления этнонима *русский* и псевдоэтнонима *россиянин*, определяющие некоторые

формы мышления и социального поведения [Уорф 2003: 157], подтверждают верность тезиса о том, что "информационную войну...нет смысла вести против государства, её ведут за государство, за контроль над государством, которое становится инструментом в руках победителя для управления побеждённым народом" [Расторгуев 2003: 273].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артемьев З. Киевский «Мориарти» // Российская газета. № 20. – 31.01.08. – С. 9.
2. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия Ур ГПУ. Лингвистика. Вып. 15. Екатеринбург, 2005.
3. Васильев А. Д. Современные национальные загадки // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 13. Ч. 1. Язык и ментальность. СПбГУ. СПб., 2006.
4. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972.
5. Гак В. В. К проблеме семантической синтагматики // Проблема структурной лингвистики – 1971. М., 1972.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
7. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Л., 1953.
8. Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях (к истории значений слов) // Вопросы языкознания. 1971. № 5
9. Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. 2002. № 5.
10. Котелова Н. З. Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995.
11. Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. № 112. 25.09.97
12. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
13. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
14. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М., 2003.
15. Романенко А. П. Образ советского риторика. М., 2003.
16. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е – 90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965.
17. Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
18. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001.
19. Тулина Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связности слов // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992.

20. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.-СПб., 2003.

21. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.

22. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Paris, 1989.

23. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Изд. 2-е. Екатеринбург, 2003.

© Васильев А. Д., 2008

Гаврилова М. В.

Санкт-Петербург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Abstract

The author examines the possibilities of using political text at the lessons with University students. The author distinguishes the main forms of using political texts and their role in developing oratorical and political culture of the students.

Политический текст – это и убеждающая речь политика, и документ эпохи, и часть политической культуры, которую необходимо изучать. С этой целью был разработан лекционный курс «Политическая коммуникация XX века», призванный привить студентам традицию бережного отношения к политическим текстам, их вдумчивого медленного чтения, чтобы в дальнейшем студенты могли адекватно оценить политическую ситуацию и сформировать собственную позицию по отношению к тому или иному политическому событию.

Содержание лекционного курса ориентировано на решение следующих задач: расширить границы исторического знания студентов через рассмотрение политического текста в социокультурном контексте, познакомить студентов с особенностями речевого поведения политика, показать историческое развитие речевого образа главы государства, повысить уровень политической и риторической культуры студентов, способствовать развитию коммуникативной компетентности студентов.

Программа курса «Политическая коммуникация XX в.» составлена в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки дипломированного специалиста по циклу «Общепрофессиональные дисциплины» (региональный компонент) государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по